

Наталья КУДРЯКОВА

Наталья Кудрякова – поэт, прозаик, драматург, переводчик. Родилась и живет в Москве, член Союза писателей Москвы.

ПУТЕШЕСТВИЕ

Любая жизнь – путешествие, жизнь текста тоже. Тем более, когда он так и называется – «Путешествие». Этот путешествовал долго – сначала в пространстве, пересекая почти непроницаемые тогда границы и потеряв при этом свой домашний адрес (но не адресата): Наталья Горбаневская, которая заведовала в 1985 году поэзией в журнале «Континент», выходявшем в Париже, написала на первой его странице, под фамилией автора: «Это очень хорошо: а стихи дальше (даже жаль выбирать – всё одинаково хорошо), и этот текст – смесь прозы со стихами. Но у меня никаких ее данных, ни адреса». Публиковать без подтверждения авторства не решились, текст отправили в архив, и он начал путешествие во времени: годы шли, сначала исчезла страна, откуда он родом, потом закрылся журнал, а архив отправили в Bibliothèque de Documentation Internationale Contemporaine, Paris. Там он и был обнаружен более чем через 30 лет после своего рождения, в папке (по-французски Carton) F Δ 1127 (6).

Теперь он вернулся, чтобы повторить за главным героем: «Я вас всех очень, очень люблю! И вы меня любите!» Закончилось ли его путешествие? Как знать.

Владимир Орлов

I

Внимание! Герой отправляется в путешествие.

По Дурасовскому, по тишайшему,
К его дремлющим тополям,
Мое искреннее, мое нижайшее –
Вам, Вам и Вам,

Маргарита, Мария и Лидия,
Маргаритка, верба и лилия.

Здесь на каждом углу цветочницы
Свой сиреневый славят хлам.
Я поставлю одни многоточия
Вам, Вам и Вам,

Маргарита, Мария и Лидия,
Маргаритка, верба и лилия.

«Милый, родной Алешенька! Как ты едешь, что видишь? Хотя я всё знаю сама: за окном лес и лес, колеса стучат, тебе не спится, а сосед твой давно уже у Храповицкого, и тень от полки забрала у него почти все лицо. Угадала?

Москва моя, коробочка,
Резная колесница...

В твоей комнате теперь будет жить Лидуша. Она очень ломается и воображает. Вчера уронили твою чашку, но она не разбилась. Мама сначала очень испугалась, даже побледнела, но потом сказала, что это хорошо, что все будет хорошо, и перекрестилась.

А у нас новый учитель рисования.

Москва моя, коробочка,
Резная колесница,
Что пройдено, что прожито,
Уже не повторится.

Все тебе передают поклоны.

И голуби закармлины,
Как гости от стола.
Какая глупость гордая
Качнет колокола?

Я тоже куда-нибудь уеду!

Шатается, валяется,
Не тонет, не горит.
Все в небо собирается,
Все на земле стоит».

Господа, предъявите ваши документы! Государственная граница.

Что мне легче – вечные дожди,
Суeta и будни ели-пили,
Лестницы крутые виражи
или
В напряженном солнечном веселье
Бестолочь животных и растений?

Ну, слава Богу, Германию проехали. Не верю сытым собакам, добродетельным кошкам, чистеньким домикам. Меня обманули! Эти шиллеровские замки сделаны из картона, а дубравы нарисованы старательным рисовальщиком. Не верю в благополучие. Где то, что должно быть? –

Размытые дороги, капюшон, холодный ветер,
Берлин, залитый серыми дождями,
Качает вслед чугунной головой.

«Мама, папа, сестрички!

Такое ощущение свободы, что я сам себе не верю. Земля под колесами распрямляется, как белье под утюгом. Люди здесь спокойные, внимательные, друг на друга непохожие. Бесконечный, прекрасный парк. И парк этот мой! Можно сойти с ума от счастья! Дома мы все обречены на историю – опять на революцию, войну, службу. А здесь все зависит только от меня.

Ночью сестрам приснились странные сны.
Старшей снилась белая степь.

Слышно, едут гонцы – бубенцы, бубенцы,
Но ни следа, ни знака нет.

Средней снилась стена,
Ей хотелось бежать,
Но стена возникала опять и опять.
Эта сте-на.

Ну, а младшей сестре,
Ну, а младшей сестре,
Ну, а младшей досталась война.

Жизнь прекрасна, до чего же жизнь прекрасна, Господи! Тихие вечера, соборы с белыми, распушенными крыльями, веселые старички в плетеных креслах, мальчишка, свистящий мне вслед. Я вас всех очень, очень люблю! И вы меня любите! Не забывайте! Целую. Алеша».

II

Восемнадцатый век любил аллегории. Плафон в низком круглом зале – улетающая пышная красотка. Победы с венками, младенцы с цветами, нимфы с тритонами.

Аллегория славы, власти, жизни.

А жизнь? Это аллегория чего?

Шоссе.

Глупая жирная утка металась под колесами летящих машин, судорожно разевая клюв и волоча серые крылья.

Красные лапы, черные колеса, стеклянное небо.

Куда?

Резкие гудки. Почему она еще жива? Но ведь найдется, наконец, такая, что размажет бедную птицу по этому страшному асфальту.

Куда?

Вдоль шоссе, разделяя два потока машин, тянулась грустная лента шиповника – обман, нейтральная полоса. Здесь можно только лежать, закрыв глаза и стуча сердцем в чахлую, вонючую землю. Сжавшись, спрятав голову под крыло, лежала утка. Вжавшись в землю, спрятав цветы, стояли кусты.

III

Под мышкой у Африки, в черной деревне

Жил русский старик.

У него был дом, выводок жен

И пять самодельных ульев.

Каждый месяц в веселом автобусе

Под названием Roi de montagne

В куче негров, узлов и баранов

Он отправлялся в столицу.

Столица была такая – президентский дворец, католический собор, мечеть и три высотных здания в десять этажей, четыре базара и десять кинозалов. В любой части города был слышен прибой.

Он ехал взять воздуха и впечатлений,
Купить газету, сходить в кино,
Тростью пройти по решетке забора,
Ну, в общем, слегка отдохнуть.

Алексей?

Уже перед самым отъездом
Заходил в магазин советский
И покупал себе гречку.
Гречку ему продавали.

А вот говорить с ним боялись...

Интервью, которого не было.

- Скажите пожалуйста, Алексей Петрович, чем вы здесь занимаетесь?
- Вы знаете, развожу клубнику. Это, между прочим, эксперимент. Пять лет назад я привез из Алжира несколько усов. А теперь у меня двадцать грядок.
- Вы садовод?
- Не знаю.
- Подождите, а как вы здесь вообще оказались?
- Как вам сказать, молодой человек, не сразу. После революции остался без средств за границей. В гражданскую потерял всех родных. Стал коммивояжером, много путешествовал, потом осел здесь. Здесь дешевле.
- А война?
- Которая? Понимаете, молодой человек, все это очень сложно. У меня всегда было такое ощущение, что жить по-настоящему я еще не начал. Вот уже семьдесят, а все не начал. Очень не хочется умирать. Вы знаете, а здесь хорошо – и народ неиспорченный, и жизнь стабильная, а все чего-то не хватает. Ностальгия, наверное.
- Вы никогда не думали вернуться, найти родственников?
- Ах, какой обычный вопрос. А вы знаете, я счастлив, я жил как хотел. Правда, непонятно зачем, но нас, русских, вечно мучают «великие» вопросы.
- Но ведь вы живете как дерево – без цели, без смысла, так же нельзя!
- Ну вот, ну вот. Почему же нельзя? И дерево нужно.
- Но вы же ничего не довели до конца, вы остановились на полдороге.
- Ну почему же? Что, останавливаться можно только у себя на родине? Это везде происходит, просто моя жизнь сложилась так. Честь имею кланяться.

Тормоза дико взвизгнули, и на землю стали сыпаться красные листья шиповника, похожие на раздавленные кисточки винограда.

Человек стоит на берегу,
Стар ли, молод – сам пока не знает.
Побежал, и мысли на бегу,
Как одежду лишнюю бросает.

А земля под ногой:
Там – там,

Шепелявит прибой:
К нам – к нам.
Пальм прямые линии
Спицы,
А под ними синие
Птицы.
В вал бизоном прущий
Тело,
Вечно жив живущий
Смело.
Африка, Африка, радостным пионом,
Веером павлиньим,
Плаваешь в зеленом,
А зеленый – в синем.
Где-то есть Россия, снегов молоко.
Где-то есть Россия. Очень далеко.